

РОЛЬ ЧУВСТВА СТЫДА В ПРОЦЕССЕ ИСПРАВЛЕНИЯ: ИССЛЕДОВАНИЕ БЫВШИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ¹

Джули Лейбрих

Краткое изложение: *Исследование, предметом которого стали бывшие правонарушители, показало, что чувство стыда является значительным фактором, повлиявшим на их решение встать на путь исправления. Наиболее часто именно это чувство упоминалось ими в качестве побудительной причины для исправления, а также в качестве негативного последствия совершенного преступления. Удалось выявить три разновидности этого чувства: публичное унижение, личный позор и угрызания совести. По силе влияния наиболее значимыми оказались угрызания совести. Их появлению во многом способствовало осознание правонарушителем того, что совершенное преступление действительно дурно и идет вразрез с его нравственными принципами. Необходимо разработать определенную стратегию, суть которой заключалась бы в том, чтобы увеличить для правонарушителя одновременно негативные последствия правонарушения и преимущества законопослушного образа жизни. Второй стороной данной стратегии должно стать снижение "выгодности" правонарушения, а также "издержек", связанных с исправлением. Восстановительные программы должны поощрять правонарушителя к проведению оценочного анализа преимуществ и негативных последствий, связанных с продолжением преступных действий. Формирование у правонарушителя чувства стыда, которое способствовало бы его реинтеграции в общество, может стать частью этого процесса. Наибольший реинтегрирующий эффект будет, вероятно, достигнут, если правонарушитель будет одновременно переживать личный позор и угрызания совести. Для того чтобы исправиться, правонарушителям необходима поддержка, но если они продолжают чувствовать на себе укоры уже после того, как они приняли решение начать новую жизнь, это может стать препятствием в их движении по пути исправления.*

Эта статья основана на глубоком исследовании бывших правонарушителей, которые рассуждали о процессе исправления и его природе (Leibrich, 1993). Бывшие правонарушители

¹ Мне хотелось бы поблагодарить своих коллег из Департамента Юстиции - Джеффа Данна, Марка Джейкобса, Анжелу Ли, Вивьенн Моррел и Рут Уилки, а также судью Фреда МакЭлри за их ценные замечания по поводу этой статьи.

ли - эксперты по вопросам прекращения совершения преступлений, но исследования в этой области немногочисленны, что, возможно, связано с практическими и этическими трудностями их проведения. Существуют лишь три исследования (Meisenhelder, 1997; Shover, 1985; Pinsonneault, 1985), в которых содержится важный материал о процессе исправления. Но предметом этих исследований были исключительно правонарушители мужского пола, осужденные за преступления против собственности и отбывающие наказание в тюрьме. Выбор участников был основан на соображениях доступности; количество времени, прошедшее с момента последней судимости, не учитывалось. В данном же исследовании приняли участие как мужчины, так и женщины, совершившие различные правонарушения и в последний раз осужденные условно (это означает, что на период от шести месяцев до двух лет они были помещены под наблюдение инспектора по условно осужденным и проходили испытательный срок). Выбор участников был абсолютно случаен, а время, прошедшее с момента последнего приговора, для каждого из них равнялось приблизительно трем годам. Исследование носит этнографический характер и проводилось первоначально без привлечения каких-либо теорий. Полученные данные, тем не менее, проливают свет на две из существующих в настоящий момент теорий, обосновывающих исправление правонарушителей: теорию разумного выбора и теорию "реинтегрирующего стыда".

СУТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сорок восемь мужчин и женщин различной этнической принадлежности приняли участие в исследовании. Двое из 50 человек, с которыми изначально проводилась беседа, были исключены из состава участников, поскольку заявили, что невиновны в тех преступлениях, за которые получили условный срок. Выборка правонарушителей была проведена по принципу случайности в районе Новой Зеландии, закрепленном за одной комиссией по условно осужденным. Процент проявивших желание участвовать в исследовании был крайне высок (78%). Участники имели относительно серьезное криминальное прошлое, у каждого в среднем было по пять судимостей, осуждены они были за самые разнообразные правонарушения. На момент проведения интервью средний возраст респондентов был 32 года, только треть из них официально получили какую-либо профессию и меньше половины имели оплачиваемую работу. С каждым из участников беседовали в его собственном доме, в среднем в течение двух часов. Вначале им предлагалось говорить о себе, о том, что с ними произошло; во второй части интервью каждому был задан ряд полужакрытых вопросов. Интервью записывались на аудиопленку и были впоследствии дословно расшифрованы. Весь материал был

подвергнут тщательному систематическому и тематическому анализу, 12 дел - изучены отдельно (Leibrich, 1993, 1994).

Когда началось исследование, для понятия “исправиться” существовало рабочее определение: “не совершать правонарушений с момента последней судимости”. Однако вскоре стало очевидно, что для многих участников “исправляться” значит быть честными - не воровать, не грабить, вести ответственную жизнь. Только 25 из 48 участников вовсе перестали совершать правонарушения, тем не менее, почти все заявили о том, что исправляются. Они говорили так, поскольку полагали, что со времени последней судимости их правонарушения стали менее частыми или менее тяжкими.

Итак, первоначальное рабочее определение было изменено в соответствии с тем, что респонденты понимали под исправлением. Это определение стало выглядеть следующим образом: “не совершать того же самого или столь же тяжкого правонарушения с момента последней судимости”. Тяжесть правонарушения определялась в соответствии с классификацией, разработанной Спиром и его коллегами (1991). В общем 37 из 48 человек были выделены как вставшие на путь исправления. При этом 25 из них заявили, что вообще не совершали повторных правонарушений, а 12 продолжали совершать правонарушения, но менее тяжкие и, как правило, менее часто. Примером последнего варианта может служить один из этих двенадцати - участник исследования, который был осужден за кражу со взломом и больше не совершал такого правонарушения, но “травку” время от времени курит. Одиннадцать человек были классифицированы как неисправляющиеся, поскольку либо продолжали совершать те же преступления, за которые были осуждены, либо просто не были пойманы за совершение еще более серьезных преступлений.

ПРИЧИНЫ, ПОБУДИВШИЕ К ИСПРАВЛЕНИЮ

Почти все (35 из 37 человек) заявили, что знают, почему перестали совершать преступления. Каждый в среднем назвал по три причины. Общее количество составило 22 причины, которые и были поделены на две группы: убедившие не совершать правонарушения и убедившие встать на путь исправления.

Что убедило опрашиваемых не совершать правонарушения

Среди причин, повлиявших на решение не совершать правонарушения, наиболее часто упоминалось чувство стыда, отмеченное 19 участниками. Как было выявлено, существует три разновидности этого чувства: публичное унижение, личный позор и угрозы совести.

Некоторые люди говорили о том, что испытали на себе не только одну из этих разновидностей.

Публичное унижение для них заключается в том, что их поведение разоблачалось и обсуждалось перед лицом совершенно незнакомых людей. Джозеф (мужчина маори, 30-40 лет, осужден за нанесение телесных повреждений своей жене) чувствовал себя крайне униженным, представ перед судом, поскольку это позволило совершенно чужим людям копаться в его жизни: “Вот я вошел, и зачитали обвинение, а ведь это открытое судебное разбирательство, там столько народу. Некоторые просто пришли посидеть, послушать, кого в чем обвиняют и кому что дадут. И, понимаете, это было так унижительно для меня”. Саша (жительница островов Фиджи, 20-30 лет, осуждена за кражу в магазине) также считает судебное разбирательство очень болезненной процедурой:

Я плакала, просто не могла ничего с собой поделать. Это самое ужасное, стоять там перед всеми, стоять в зале суда, где люди будто все уставились на тебя ... Да, это действительно был кошмар ... Не думаю, что когда-нибудь пожелаю снова пройти через то, через что прошла в тот день. Никогда не сделаю это снова.

Личный позор заключается, по мнению участников исследования, в том, что твои действия разоблачаются перед теми, с кем ты просто знаком или кого ты любишь и уважаешь. Это чувство позора становилось особенно мучительным, если было связано с людьми, близкими правонарушителям. Помимо публичного унижения Саша испытала также и личный позор, поскольку потеряла уважение своих родителей. По прошествии трех лет ей все еще приходилось держать свое преступление в тайне от младшей сестры. Роза (европейка, 20-30 лет, осуждена за наркотики) на протяжении нескольких лет вела, как она говорит, двойную жизнь. В конце концов, в суде ее тайна была раскрыта перед всеми:

Передо мной за наркотики обвинялись еще пять человек, включая мою хорошую подругу, обвиняли за другие наркотики и все окончилось тюрьмой,. После нее вызвали меня, и, понимаете, мне было так тошно, я чувствовала себя такой униженной. Я знала инспектора по делам маори и секретаря суда, было такое чувство, что все эти люди понимают, за что я здесь. До этого момента мне удавалось вести настоящую двойную жизнь между работой и домом. Одному Богу известно, как мне удалось не потерять работу. ... Думаю, когда я стояла там, в зале суда, это было самое низкое падение в моей жизни. И я не хотела падать еще ниже.

Петело (самоанец, 60-70 лет, осужден за нанесение телесных повреждений) при помощи пе-

реводчика, объяснил, каким позором он покрыл свою семью:

Он говорит, что ему было действительно стыдно, и не только за себя, но и за то, что он опозорил свое имя, семью, понимаете. Ну, вроде это что-то коллективное. То есть пятно позора ложиться не только на него, но и на его братьев, сестер. Может у европейцев это и по-другому, потому что так много разных “Смитов”, “Тернеров ” и так далее. Но среди самоанцев не так много (фамилия Петело). Так что, как только имя появляется где-то в газете, все самоанцы знают, что это он.

Грейс (европейка, 60-70 лет, в прошлом - неоднократные кражи в магазинах) все еще не сказала своим уже взрослым детям, что имеет несколько судимостей. У нее стали складываться новые отношения с членами ее местной общины, и возможность личного позора пугала ее настолько, что стала основной причиной для исправления:

Я действительно думаю, что не вынесла бы, если бы украла что-то и меня бы поймали. Я не смогла бы смотреть в глаза людям, я не смогла бы смотреть в глаза тем, с кем подружилась, мы поем вместе, вы понимаете. ... Мне было бы так стыдно, потому что у нас сложился такой маленький кружок, и если что-то случиться, мне будет очень стыдно.

Угрызения совести связаны с тем, что, совершая правонарушение, правонарушитель преступает собственные нравственные установки. Эта разновидность стыда оказалась, похоже, наиболее болезненной и длительной по своему эффекту. Некоторые участники использовали наше интервью как что-то вроде исповеди. Мэгги (жительница островов Токелау, 30-40 лет) отрицала свою вину в мошенничестве даже перед семьей вплоть до момента нашего разговора, который она сознательно использовала как возможность сделать признание:

Я так старалась забыть обо всем этом. И я сказала себе: “Нет, когда-нибудь это должно выйти наружу. Мне нужно кому-то рассказать об этом”. Я думаю, хорошо, что я рассказываю об этом именно вам, потому что я вас *не знаю*. Потом я подумаю обо всем этом снова. О, я так рада, что рассказала вам. Я так *рада*, что рассказала об этом хоть кому-то. Теперь это вышло наружу.

Она описала то крайнее чувство вины и стыда, которое испытывала:

Я несла тяжелое бремя. Понимаете, вот я думаю об этом несколько дней подряд и потом начинаю чувствовать себя такой виноватой, что не знаю. Не понимаю, почему я так себя чувствую ... Иногда мысленно возвращаясь к этому, я вспоминаю, что натворила. Вспоминаю, через что мне пришлось пройти. И тогда я не могу сдерживать рыданий, я начинаю трястись, мое тело сотрясает дрожь, знаете, руки дрожат

... Никто не знает, как я жалею, что сделала это. Раскаиваюсь. Я так раскаиваюсь в том, что совершила это.

Сэмюэл (житель острова Роротонга, 20-30 лет, осужден за кражу) испытывал тяжелейшие угрызения совести. В том, что он говорил о стыде, проявилось различие между отдельными разновидностями этого чувства. Он не мог рассказать о своем преступлении Шейян, своей девушке, поскольку боялся, что та перестанет уважать его. Он решил воспользоваться нашим интервью как способом признаться ей во всем. К счастью, Шейян поняла и не отвернулась от него. Говоря о том облегчении, которое он испытал, Сэмюэл выразил разницу между личным позором и угрызениями совести:

Я почувствовал облегчение, когда заговорил об этом. На самом деле, даже большее облегчение, чем ожидал. Даже смешно. Потому что Шейян начала смеяться над этим, и я почувствовал себя лучше. Я уже не испытывал такого смущения, как раньше. Но все же где-то в глубине души это по-прежнему остается для меня проблемой, чем-то, что меня очень беспокоило. Я знаю, я никогда не смогу окончательно забыть обо всем, это всегда будет здесь, со мной.

Отвечая на вопрос о том, что он думает по поводу наличия у него судимости, Сэмюэл фактически указал на различие между публичным унижением и личными угрызениями совести. Наличие записи о судимости не беспокоило его до тех пор, пока эта информация оставалась конфиденциальной. “Но она всегда будет здесь, - сказал он, указывая на сердце, - эта запись навсегда останется здесь”.

Среди других причин, разубедивших участников совершать правонарушения, были названы: более серьезное наказание, возможное в следующий раз (11), страдания, вызванные заключением в полиции (6), потеря детей/любимого человека/друга (6), постоянная тревога, связанная с преступной деятельностью (4), слабое здоровье (4).

Что убедило опрошиваемых встать на путь исправления

Среди причин, повлиявших на решение исправиться, наиболее часто упоминалось развитие чувства собственного достоинства. Всего о нем говорили 10 человек. Чувство собственного достоинства, уважение к самому себе и возникают в какой-то мере тогда, когда человеку нечего стыдиться за свои поступки. Таким образом, возникновение чувства собственного достоинства - это скорее преодоление личного позора и собственных угрызений совести, чем публичного унижения. Наиболее ясно о росте собственного достоинства выра-

зилась Роуз, которая испытала мучительное чувство стыда, представ перед судом:

Наркотики стоили мне жизни. Самооценки, самоуважения, доверия других людей, верности и честности... Потеря практически всех принципов, которые составляют основу жизни нормального человека. Отказавшись от наркотиков, я вернула себе все это, получила еще один шанс в жизни. Теперь я могу не скрывать, кто я есть на самом деле. ... Знаете, я только что это вернула, мне это только что вернули. Я получаю все назад. Медленно, но верно. Свободу, новую жизнь.

Дэйвид (китаец, 30-40 лет, осужден за нанесение телесных повреждений) говорил о том чувстве стыда и собственной никчемности, которое он испытал. Постепенно, получив новую работу и создавая новые отношения с людьми, он стал осознавать себе цену и теперь не боится браться за что-то новое:

Я осознал, что чего-то стбю... я понял, что я человек и у меня есть чувства, к которым нужно относиться столь же трепетно, как и к чувствам любого другого. Я понял, что я не такой уж никчемный, каким меня изображали. ... Не знаю, что-то заставило меня осознать, что я стбю большего, чем думал раньше. ... Мне нужно было просто заглянуть в себя и спросить: "Ну, можешь ты сделать то-то и то-то или нет?" Конечно, могу. Но я должен дать самому себе шанс попробовать, иначе я так и не узнаю, способен я на это или нет, иначе я буду лишь повторять: "О, если бы, если бы я мог". Не хочу быть этим "если бы", не собираюсь быть таким человеком.

Грейс рассказала, о том, как ее самоощущение изменилось в лучшую сторону оттого, что она перестала красть в магазинах: «Я стала лучше относиться к самой себе. Правда. По-другому и быть не может, так хорошо себя чувствуешь. Так хорошо, когда берешь что-то и знаешь, что собираешься за это заплатить, и понимаешь, что поступаешь правильно». Пейдж (европеец, 40-50 лет, имеет в прошлом серьезные преступления против собственности, а также преступления, связанные с нанесением тяжелых телесных повреждений) отказался от "хорошей" жизни для того, чтобы встать на путь исправления. Он очень четко выразил свою мысль о том, что не совершает больше правонарушений, потому что в его жизни теперь есть вещи, которыми он по-настоящему дорожит: «Мне есть что терять. Я рискую потерять уважение к самому себе. Полагаю, работу тоже. И я могу потерять уважение чертовски большого количества людей, которое я приобретал чертовски долго».

Среди других причин, повлиявших на решение исправиться, по крайней мере, четыре участника исследования назвали следующее: желание принять на себя семейные обязанности (9), рождение ребенка (9), переоценка жизненных ценностей (8), обретение любимого чело-

века (5), обретение веры в Бога (5).

АНАЛИЗ “ИЗДЕРЖЕК” И ПРЕИМУЩЕСТВ ИСПРАВЛЕНИЯ

Ряд вопросов, связанных с “издержками” и преимуществами совершения правонарушений, был задан всем участникам исследования. Исправляющимся отдельно задавали вопрос об “издержках” и преимуществах исправления. Практически все респонденты (35 из 36 исправляющихся и все 11 из неисправляющихся) назвали хотя бы одно негативное последствие совершения правонарушений. Одному из участников исследования такой вопрос не задавался, что было связано с конкретными обстоятельствами его преступления. Среди “издержек” наиболее часто упоминалось чувство стыда (17 из 36 исправляющихся). Только двое продолжающих преступать закон назвали стыд в качестве негативного последствия правонарушения. Оба имели в виду свои старые преступления, которые они больше не совершали (изнасилование в одном случае, кража - в другом). По крайней мере, четыре человека говорили о следующих “издержках”: уплата штрафов и судебных издержек (6 исправляющихся, 3 неисправляющихся), факт задержания (6,0), наличие судимости (0,6), потеря прав, лицензии (3,1), потеря друзей (3,1).

Приблизительно две трети участников опроса (21 из 36 исправляющихся и 8 из 11 не исправляющихся) выделили хотя бы одно преимущество в совершении правонарушений. По крайней мере, четыре человека назвали следующие преимущества: возможность иметь деньги, вещи (8 исправляющихся, 2 не исправляющихся), удовлетворение эмоциональных потребностей (7,1), приятное чувство напряжения при совершении кражи (5,1), удовольствие наркотического опьянения (3,1). Трое из тех, кто все еще совершают правонарушения, но не видят в этом никакой выгоды, оказались осужденные за вождение в нетрезвом виде. Почти все те, которые встали на путь положительных перемен (35 из 37), видят в исправлении, по крайней мере, одно преимущество. Хорошее самоощущение, чистая совесть, уважение других людей - все это моменты, связанные с отсутствием чувства стыда. Четырнадцать человек назвали хотя бы одно из этих преимуществ, что вполне согласуется с тем, что они говорили о развитии чувства собственного достоинства как о причине, побудившей к исправлению. Некоторые респонденты указали на то, что обретение всех “выгод” исправления может оказаться весьма медленным процессом. Не менее четырех человек заявили о следующих преимуществах законопослушного образа жизни: меньше проблем с полицией (7), улучшение жизни (6), свобода (4). Четверо участников исследования встали на путь исправления, хотя особой выгоды для себя в этом не видели. Один “завязал” из-за серьезной болезни, другой -

чтобы выиграть пари. Остальные два человека - это те же самые респонденты, которые не знают, почему исправляются. Только 12 человек из 37 считают, что есть свои “издержки” и в том, чтобы перестать совершать правонарушения. Единственное негативное последствие законопослушного образа жизни, упомянутое не менее чем четырьмя участниками, - это потеря разных вещей и определенного дохода.

Возможно и дальше пользоваться экономическими терминами, оценивая “издержки” и “выгоды” совершения преступлений. Если из ожидаемой выгоды вычесть ожидаемые издержки, получится чистая прибыль, соответственно со знаком “плюс” или “минус”. Если рассматривать 36 исправляющихся как единую группу, то можно сделать следующие выводы: продолжая совершать правонарушения, они понесут убытки, перестав - получат чистую прибыль. Почти каждый участник этой группы говорил об “издержках”, связанных с совершением преступлений, и лишь немногим более половины упоминали выгоду. Более четырех пятых группы указали на преимущества законопослушного образа жизни, в то время как на связанные с ним “издержки” - только треть. Опрашиваемые больше говорили о негативных последствиях правонарушений, чем об извлекаемой из них выгоде. И, наоборот, чаще упоминались преимущества, возникающие при исправлении, чем связанные с этим потери. Если взглянуть в целом на группу из 11 человек, не вставших на путь исправления, можно отметить следующие результаты: несмотря на то, что почти все участники осознают “издержки” правонарушений, тем не менее, почти четыре пятых группы говорит о выгодах, извлекаемых из совершения правонарушений.

РЕШЕНИЕ ИСПРАВИТЬСЯ

Большинство участников исследования приняли решение исправиться, и решение это имело в основании обдуманый выбор, как мы можем заключить из приведенного выше анализа о “выгодности” совершения правонарушений. Мы, однако, выделяли результаты этого анализа для групп (но не для каждого конкретного человека в отдельности). Не учитывалось и индивидуальное значение для отдельных людей того или иного преимущества или негативного последствия совершения правонарушений. Более того, данный анализ основан на информации, полученной на поздних стадиях процесса исправления, поэтому “обдуманность” выбора может быть вторичной, т.е. возникшей уже после начала этого процесса. Рассказы участников исследования о том, как они изменились, зачастую становились очень красочными и подробными. Для описания собственных переживаний бывшие правонарушители пользовались весьма мощными метафорами, а некоторые рассказы были даже довольно

трогательными по своей эмоциональной природе (Leibrich, 1993).

Участники исследования, похоже, интуитивно вычисляли, стоит ли им продолжать совершать правонарушения. Так, например, Мелани (европейка, 20-30 лет, осуждена за кражу в магазине) сказала следующее: “Я поняла, что не стоит продолжать делать это”. Нечто подобное сказал и Марк (мужчина маори, 20-30 лет, осужден за воровство): “Просто завязал, потому что в итоге это не стало того стоить”. Пейдж (европеец, 30-40 лет, разнообразные преступления) заявил: “Для меня есть нечто большее, чем просто выйти на улицу и совершить преступления. Я не понимаю, для чего это стоить делать. Не вижу в этом смысла. Духовного смысла, просто не вижу. Это того не стоить”. Интересно, что Джейк (европеец, 30-40 лет, осужден за кражу со взломом, один из тех, кто не начал исправляться) выдвинул подобные аргументы в пользу своего решения продолжать совершать преступления: “Если вернуться к тому, что заставляет меня снова преступать закон, думаю, я оцениваю все “за” и “против”. Если “за” на самом деле перевешивают, тогда я делаю это”.

Говоря о происходящих с ними переменах в лучшую сторону, участники исследования, как правило, подчеркивали, что это процесс, требующий от них определенной активности. В редких случаях преступления просто прекращались сами по себе. Для большинства правонарушителей это было четко осознанное решение, фактически усилие воли. Возникновение решения было весьма впечатляющим событием. Люди ясно помнили и очень живо описывали тот момент, когда решение было принято. В жизни каждого это действительно стало поворотным моментом. Решение являлось результатом трезвой оценки того, стоить ли совершать правонарушения или нет. Толчком к его принятию зачастую становились бурные эмоциональные потрясения или неожиданное озарение. Участники исследования с твердостью говорили о том, что изменились только тогда, когда оказались готовы к такой перемене: это решение было исключительно самостоятельным. Для некоторых респондентов первая судимость оказалась сильнейшим потрясением и немедленно повлекла за собой чувство стыда. Для тех, кто имеет более одной судимости, процесс, как правило, был медленным и шел по возрастающей. Участники исследования говорили о том, что меняются, но эти перемены были постепенными, болезненными и иногда носили лишь частичный характер. Главным условием для принятия решения об исправлении было наличие в жизни человека того, что он действительно слишком сильно ценит, чтобы этим рисковать, будь то отношения с другими людьми, какое-то имущество, положение или чувство собственной значимости. В тех случаях, когда человек в жизни не ценит ничего, он ничего и не потеряет, совершив преступление. Ключ к успеху лежит в твердости личного желания бывшего правонарушителя

изменить себя, а также в том, насколько полно удовлетворена его потребность в поддержке.

Ряд вопросов был нацелен именно на то, чтобы определить, насколько бывшие правонарушители тверды в своем намерении исправиться. Две трети одной группы (22 из 33 человек) заявили, что ничего не может заставить их снова совершить преступление. Четверым участникам этот вопрос не был задан. В двух случаях это было связано с тем, что участники ранее сообщили о своей физической неспособности более совершать правонарушения. Двое других испытывали такое глубокое раскаяние и угрызения совести по поводу случившегося, что возвращаться к этому вопросу таким образом нам показалось некорректно. Большая часть остальных участников исследования описала условия, в которых им, возможно, придется снова пойти на преступление. Многие подчеркивали трудность процесса исправления. Вот как это выразил Хоррис: “Тут слабаком быть нельзя”. Или Тринити, которая заявила: “Это было тяжело, черт возьми!” Несмотря на заявление о том, что ничего не может заставить их снова преступить закон, многие считали, что риск для них все же остается и связан он с болезненными зависимостями (алкоголь, наркотики), бедностью или пагубным влиянием старых друзей.

Немногим более чем две трети группы (25 из 37 человек) сказали, о том, что знают, каким образом перестали совершать преступления. Каждый изложил в среднем по две стратегии, при общем количестве в семь стратегий. Вкратце суть, перечисленных ими вариантов, можно представить приблизительно следующим образом: серьезно взяться за решение личных проблем и изменить круг общения. Из их ответов стало ясно: чтобы исправиться, не всегда достаточно просто иметь для этого причины. Необходим также и способ, т.е. нужно знать, каким образом это сделать. Практически для каждого из участников этот способ включал в себя получение поддержки в создании новых социальных связей и решении какой-либо проблемы (иногда - с пагубной зависимостью). В ответах многих респондентов подчеркивалась необходимость не просто отказаться от старых жизненных шаблонов и установок, но и заменить их новыми. Лучшее всего это выразил Маркус, который в корне изменил свою жизнь, после того как несколько его друзей оказались в тюрьме и сам он достиг такого дна, что пришлось просить помощи. Маркус увлекся восточными единоборствами, потом получил работу и, в конце концов, решил продолжить начатое когда-то образование:

Это как растительное масло в стакане. Ты наливаешь туда воды, и она начинает медленно выталкивать масло. Что-то одно уходит, а что-то другое занимает его место. Я подумал об этом тогда и решил, пусть уж лучше на этом месте будет вода, чем масло.

Роуз говорила о том, как важно иметь разные возможности и быть открытой этим возможностям:

Как будто кто-то распахнул передо мной большие ворота, я просто вошла и они стали за мной закрываться. Похоже, я не могу вернуться назад. Если бы я тогда сознательно подумала о том, собираюсь ли я вернуться к старой жизни, я бы начала оглядываться, понимаете, смотреть назад. Но, нет, я этого не сделала. Я просто подумала, что люблю пробовать в жизни разные новые вещи.

Переживания, связанные с чувством стыда, включая публичное унижение и личный позор, оказались важными факторами, способствующими исправлению. Но, если “пристыжение” продолжается слишком долго и пятно позора навсегда остается на репутации человека, это зачастую может стать для него препятствием на пути к положительным переменам. Эти препятствия могут принимать различные формы: знание членов общины о совершенном когда-то правонарушении, наличие судимости или татуировок на видимых местах тела, сделанных во время “преступного периода”. Напрямую участникам исследования был задан вопрос лишь об одном из позорящих обстоятельств: о наличии уголовной судимости. Большинство из исправляющихся (27 из 37) были обеспокоены наличием судимости и рассматривали ее как некоторую помеху на пути к исправлению. Их главным опасением было то, что работодатели, зная о судимости, могут отказать им в месте. Некоторые считали, что наличие судимости делает их предметом для постоянных подозрений (например, со стороны полиции или членов местной общины). Марк рассказал о том, как его “достають” соседи:

Что бы ни произошло, какая бы мелочь ни случилась, они все время звонят в полицию и сообщают на меня. Но я ни в чем не виноват, я этого не делал. Так вот сосед вон из того дома обвинил меня в том, что я залез в их гараж. А вот сосед сзади обвиняет меня в том, что я выращиваю “травку”.

Четверо из одиннадцати человек, не вставших на путь исправления, обеспокоены тем, что имеют судимости. Это - судимости, полученные за преступления, которые они больше не совершают. Большинство же по этому поводу не переживает, как правило, потому что для них судимость не является чем-то позорным в глазах общества. Шимус (европеец, 20-30 лет, осужден за кражу и вождение автомобиля в нетрезвом состоянии) так выразил эту мысль: “Да у половины из тех, с кем я провожу время, столько же судимостей за всякие разные вещи. Там, где я живу, для некоторых это вроде как стиль жизни”.

УПОМИНАНИЯ О СТЫДЕ В ОТВЕТАХ ТЕХ, КТО ИСПРАВЛЯЕТСЯ

Определенное чувство стыда было отличительной чертой рассказов об исправлении. Говоря о причинах, которые способствовали принятию решения об исправлении, 24 из 37 человек указали либо на то, что стыд заставил их “завязать”, либо на то, что развитие чувства собственного достоинства повлияло на желание встать на путь исправления. В разговоре об “издержках” и преимуществах 17 участников или назвали чувство стыда негативным последствием правонарушения, или выдвинули хорошее отношение к самому себе, чистую совесть и уважение других людей в качестве преимуществ законопослушной жизни. В целом, в своих ответах 27 из 37 респондентов указали на роль стыда в исправлении. Остается десять человек, которые начали исправляться, но о стыде не сказали ни слова. Пятеро из них были осуждены за вождение в нетрезвом виде и вообще не считали свое поведение уголовным. Трое других - довольно молодые люди - рассматривают свои преступления как возможность “перебеситься” до тех пор, пока они не остепенятся и не устроят свою жизнь с постоянной подругой. Остальные двое - более пожилые люди с большим количеством преступлений против собственности в прошлом. Они совсем не испытывали стыда за свое поведение, скорее было похоже, что они просто устали совершать правонарушения.

Наша выборка слишком мала для того, чтобы предоставить достоверную прогностическую информацию о том, насколько чувство стыда связано с такими вещами, как половая и этническая принадлежность, возраст осужденного, а также тип преступления. Полученные данные, однако, говорят о том, что женщины более склонны испытывать чувство стыда. Возможно, что существует определенная зависимость между чувством стыда и типом преступления, а также культурно-этнической принадлежностью осужденного. С возрастом правонарушителя такая связь, похоже, отсутствует. Среди 37 исправляющихся говорили о стыде 13 из 14 женщин и только 14 из 23 мужчин. Об этом чувстве заявили девять из 14 европейцев, десять из 15 маори, семь из 7 жителей островов Тихого океана и один китаец. Если принимать во внимание классификацию правонарушений, получаются следующие цифры: чувство стыда упомянули 14 из 18 осужденных исключительно за кражи, все четверо осужденных за нанесение телесных повреждений, один из пяти «нетрезвых водителей» и семь из девяти осужденных за различные правонарушения. Средний возраст участников, говоривших о стыде, был 32 года - такой же, как и у всей группы в целом.

Наиболее значимой разновидностью стыда для участников исследования оказались личные угрызения совести. Они возникали в тех случаях, когда преступник нарушал собст-

венные моральные установки или свои понятия о том, что есть хорошо, а что плохо. Это стало очевидным, когда участники рассказывали о том, как они понимают исправление. Для них, исправиться - это значит быть честным, не совершать правонарушений, которые, по их мнению, являются серьезными. То, что они описывали, в действительности есть избирательный подход к правонарушениям, основанный на личных моральных установках. Некоторые преступники перестали, например, совершать кражи, когда осознали, что это плохо. Шимус, Тоби и Сара больше не воруют, потому что думают, воровать - это дурно. А вот вождение автомобиля в нетрезвом состоянии они не считают преступным. Сара (женщина маори, 30-40 лет) объясняет:

Не думаю, что в этом есть какой-то криминал. То есть меня, понятное дело, осудили, но я не вижу в этом ничего уголовного. Вот преступление - это пойти на улицу, пырнуть кого-нибудь ножом или вломиться куда-нибудь и все такое, а я, понимаете...

Ник, Сэмюэл и Джейди тоже перестали совершать кражи, поскольку считают, что это плохо. Но вот в том, чтобы курить анашу, они не видят ничего дурного. Мелани на нравственном уровне четко разделила кражи на приемлемые и неприемлемые. Она, например, полагает, что воровать у людей, с точки зрения морали, дурно, а в супермаркетах - нет. У Кирка (европейца, 20-30 лет, имеющего в прошлом множество различных преступлений) также есть определенные нравственные стандарты: “Ну, вот скажем так. Допустим, я собираюсь украсть что-то, так я никогда не украду это у друга или, там, знакомого. У меня своя мораль”. Примеры таких нравственных мотивировок встречаются в рассказах всех 11 человек, попавших под определение “неисправляющиеся”. Среди разнообразия других причин, по которым эти люди продолжают преступать закон, в том числе упоминались следующие причины: алкогольная или наркотическая зависимость, злость, финансовые неурядицы. Но все же, по большей части, эти люди говорили, что просто не видят в своих действиях ничего дурного.

Ни один из шести человек, осужденных за вождение автомобиля в нетрезвом состоянии, не считал это настоящим преступлением. Они бравировали своим поведением и говорили о нем чуть ли ни с какой-то добродушной веселостью. Вот что сказал Хэрри (европеец, 40-50 лет): “Вольешь в себя немного огненной воды и становишься задорным и бойким, так ведь?” Эти люди продолжают, выпив, садиться за руль, поскольку считают, что это того стоит: это удобно, им нравится водить машину, они уверены в своих водительских способностях, даже когда пьяны, а вероятность быть пойманными и осужденными, по их мнению,

относительно невелика.

Двое участников исследования, которые были осуждены за нанесение телесных повреждений и после этого продолжали вступать в драки, заявили, что временами просто теряют контроль над собой и это, как правило, связано с алкоголем. Но они также уверены в том, что во всех этих ситуациях им необходимо было драться для того, чтобы сохранить собственное достоинство. Пэтч (европеец, 30-40 лет) вступает в драку, если кто-то начинает ухаживать за его подружкой. Он говорит, что “должен защищать свою гордость”. Мэри-Джейн (женщина маори, 20-30 лет) не удержалась от драки, когда девушка ее бывшего друга стала насмехаться и издеваться над ней: “Когда она стала говорить мне разные гадости при моих детях, это меня действительно задело. Так что я просто подошла и ударила ее”. И для Пэтча и для Мэри-Джейн более унижительно было бы *не* вступить в драку, чем постоять за себя таким образом.

Ни один из двух участников исследования, все еще вовлеченных в дела с наркотиками, не считали это чем-то плохим. Вот наиболее показательный пример того, каким образом личные нравственные установки связаны с избирательным подходом к правонарушениям. Нга (женщина маори, 30-40 лет) перестала совершать кражи, поскольку решила, что это дурно:

Просто плохо было. То есть не было ничего хорошего в том, чтобы красть для самой себя, а если я воровала для каких-то других целей, это было очень удачное оправдание тому, что я их (богатых владельцев магазинов) обманывала. Так вот. Но каждый раз, когда крала что-то и надевала это на себя, я чувствовала себя грязной.

Вместо этого, Нга стала заниматься торговлей наркотиками. Она считала, это шагом в верном направлении, поскольку в марихуане, по ее мнению, не было ничего плохого. Она действительно полагает, что марихуана приносит значительную пользу обществу. “Марихуана не убивает тебя, а смягчает. Она не приводит к дракам и насилию”.

Трое участников исследования, продолжающих совершать кражи, объяснили это тем, что им просто необходимо воровать. Все трое имеют внутренние моральные принципы, в соответствии с которыми они крадут или не крадут в определенных случаях. Так, например, люди, у которых они воруют, достаточно богаты, по их мнению, для того, чтобы кража не причинила им серьезного вреда. Воровство становится для этих правонарушителей вполне приемлемым и оправданным с нравственной точки зрения, и, таким образом, у них нет никакой причины испытывать чувство стыда. Джо (европейка, 20-30 лет) имеет судимости за на-

несение телесных повреждений, кражу со взломом, мошенничество, вождение в нетрезвом виде. Хотя сейчас, как она говорит, у нее неприятностей меньше, чем раньше, но она откровенно заявляет, что продолжает совершать правонарушения. Джо полагает, что закон каким-то образом преступают все. Джейк тоже честно признался, что все еще залезает в чужие дома. Он, как и Джо, считает, что большая часть людей вовлечена в какие-либо преступления. Когда его спросили, что может заставить его прекратить совершать правонарушения, он ответил: “Вряд ли что-то может заставить меня “завязать”. Неважно, буду я богат, беден, женат или что-то еще. Не думаю, что это меня остановит. Разве что усмирит немного, вот и все”. Личные моральные установки - важнейший момент в процессе исправления. Обратите внимание, насколько четко Маркус выразил взаимосвязь этих двух понятий:

Я подумывал о том, чтобы перестать, но на самом деле я и не пытался сделать это. Я не пытался потому, что не видел в своих делах ничего дурного, понимаете. Думал, обойдутся они без нее. Это всего лишь книга. Потом пошли и другие вещи ... вот я забрался в какой-то дом, а они зарабатывают кучу денег и сильно переживать из-за кражи не будут. Я тогда не видел в этом ничего плохого. Не думал, что это плохо.

Людям, которые не встали на путь исправления, задали тот же самый вопрос, что и исправляющимся: насколько они привержены выбранной ими модели поведения? Девять человек из 11 неисправляющихся заявили, что не знают ничего, что могло бы остановить их в совершении правонарушений. Такая ситуация возникла в основном потому, что они не видят ничего неправильного в том, что делают. Свое поведение они считают вполне приемлемым.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ВОПРОСА

Бывшие правонарушители, по большей части, пришли к сознательному решению перестать совершать правонарушения, интуитивно взвесив все «за» и «против» такого решения. Это - аргумент в пользу теории разумного выбора. Согласно этой теории, каждый человек сам выбирает, совершать ему правонарушения или нет (это касается, по крайней мере, преступлений против собственности) /Clarke and Cornish, 1985 /. Данное исследование расширяет область применения этой концепции, включая в нее некоторые другие преступления - нанесение телесных повреждений, а также правонарушения, связанные с наркотиками и вождением автомобиля в нетрезвом состоянии. Исследование продемонстрировало также, что, несмотря на то, что решение исправиться основано на разумном выборе, особое значение

имеет также эмоционально-нравственный аспект этого решения. Именно этот аспект является определяющим моментом в том, как правонарушитель оценивает преимущества и негативные последствия своего решения. Некоторые из этих преимуществ и негативных последствий напрямую связаны с эмоциональными и духовными переживаниями респондентов; к принятию решения их зачастую подталкивают значительные события в жизни (смерть или разлука) или же неожиданное судьбоносное озарение. В судьбе каждого это действительно был переломный момент. В целом, бывшие правонарушители решали исправиться, когда жизнь приобретала для них некий положительный смысл и они получали что-то, чем дорожили и не хотели рисковать. Это могли быть какая-нибудь вещь, определенные отношения, социальное положение или чувство собственного достоинства. Недавнее переосмысление исследования Глюка позволило также отметить важность переломных моментов в жизни правонарушителей (Laub and Sampson, 1993).

Опрашиваемые наиболее часто называли стыд в качестве негативного последствия преступления. Нормальное же самоощущение, наоборот, упоминалось в качестве преимущества для вставших на путь исправления. Соответственно, чувство стыда чаще всего убеждало не совершать правонарушения, а развитие чувства собственного достоинства способствовало принятию решения об исправлении. Семьдесят три процента опрошенных упомянули чувство стыда в своих рассказах о том, как и почему они исправляются. Согласно модели разумного выбора, стыд является также одной из причин, удерживающих от совершения преступлений (Grasmick and Bursik, 1989). Данное исследование повторяет некоторые аспекты теории Брейтуэйта о “реинтегрирующем стыде” (Braithwaite, 1989,1993), затрагивая, однако, также и другие важные моменты. Бывшими правонарушителями были описаны три разновидности стыда: публичное унижение, личный позор и угрызения совести. Представляется, что теория Брейтуэйта связана с двумя из них - публичным унижением и личным позором. Брейтуэйт говорит о том, что, если правильно внушать правонарушителю чувство стыда, это, в конце концов, приведет к тому, что он перестанет совершать преступления "хищнического свойства", как их называет исследователь. Он проводит важное разграничение между "реинтегрирующим стыдом", способствующим восстановлению социальных связей правонарушителя, и "стыдом клеймящим", способствующим изгнанию правонарушителя из общества: “Есть разница между тем, чтобы стыдить человека, пятная его позором, и тем, чтобы вразумлять его, внушая чувство стыда за совершенные проступки. Одно – это способствовать появлению изгоев, лишь утверждая за человеком статус преступника. Другое – укорив, в конце непременно прощать, тем самым помогая возвращению человека в общество” (Braithwaite,

1989, p.12). Изложенное Брейтуэйтом понятие "клеймящего стыда", который в итоге ведет правонарушителя к положению отверженного, находит соответствие в идее публичного унижения во время судебного процесса. Та же самая идея просматривается в описании тех препятствий, которые создает наличие судимости. Этот вид позорящих обстоятельств осложняет обретение таких преимуществ исправляющихся, как получение работы, восстановление устойчивых отношений, включенность в сообщество. Введенное Брейтуэйтом понятие "реинтегрирующего стыда", который приводит к восстановлению социальных связей правонарушителя, сходно по сути с понятием личного позора. Некоторые участники данного исследования, говорившие о том, что покрыли позором свою семью, рассказывали также и о том, что именно семья и родственники поддерживали их все это время.

Третья разновидность стыда, возникшая в данном исследовании, - угрызания совести - не нашла сколько-нибудь явного отражения в работах Брейтуэйта. В недавнем времени, однако, Грэмик также разграничил угрызания совести (он использовал термин - стыд) и личный позор (его термин – чувство позора), как это сделано и в настоящем исследовании. Грэмик пишет: "Стыд, или чувство стыда, - это наказание, предусмотренное человеком для самого себя в случае нарушения им собственных, однажды усвоенных норм. Чувство стыда может возникнуть даже в ситуации, когда о нарушении больше никому неизвестно. Другая ситуация - чувство позора, которое человек испытывает, когда о его проступках узнают те, чье мнение для этого человека небезразлично" (Grasmick *et al.*, p.315). В настоящем исследовании выдвигается идея о том, что любая попытка пристыдить правонарушителя (пусть даже с целью реинтегрировать его в общество) не будет эффективна, если человек искренне не убежден в том, что совершенное им дурно. Внушение чувства стыда, которое имеет реинтегрирующий эффект ("реинтегрирующий стыд" у Брейтуэйта), способно вызвать в человеке угрызания совести, но четкую взаимосвязь этих двух моментов еще предстоит установить. Установление такой взаимосвязи станет переломным шагом, поскольку, как оказалось, именно угрызания совести являются наиболее мощной формой, в которой может выразиться чувство стыда.

Модели восстановительного правосудия различаются в зависимости от того, какой объем внимания в них уделяется "восстановлению" жертвы, а какой "восстановлению" правонарушителя. Для любой из этих моделей, однако, важно, чтобы процедура не навредила ни одному из участников. Так, после проведения восстановительной программы, правонарушитель может чувствовать еще большее отчуждение (например, из-за ощущения, что его вынудили делать вид, что он воспринимает вещи так, как он на самом деле их не воспринимает).

В такой ситуации его нравственные устои могут сдвинуться еще дальше в сторону от принятых обществом. И, наоборот, попытка пристыдить правонарушителя, который уже испытывает угрызения совести, может оказать обратное действие, сильно травмировав человека.

Некоторые из полученных данных отражены в более ранних исследованиях, предметом которых тоже были бывшие правонарушители. Пинсонно, к примеру, также обнаружил, что люди сами приходят к решению прекратить преступать закон и заявляют о своей полной самостоятельности при принятии этого решения. События, придающие смысл жизни, такие, как любовь, интересная работа, нормальные семейные взаимоотношения, являются важными причинами, побуждающими уважать закон (Pinsonneault, 1985; Cusson and Pinsonneault, 1986). Мейзенхельдер выявил, что боязнь наказания в сочетании с “тягой к нормальности” является основным фактором, ведущим к исправлению (Meisenhelder, 1977, 1982). Наиболее влиятельными оказываются именно те факторы, которые “связывают человека с установленным социальным порядком”, т.е., например, работа, дом, хорошие взаимоотношения с людьми, семейные обязанности. Мейзенхельдер установил, что “пятно” судимости является пагубным, сдерживающим моментом, поскольку благодаря ему “общество продолжает идентифицировать человека как преступника, в то время как его восприятие самого себя изменилось на противоположное” (1982, С.141). Шовер обнаружил у правонарушителей то, что он назвал “новым взглядом на самих себя”. Это новое видение позволяет им осознать, что они часто поступают неправильно, впустую тратят время и не живут так, как им бы этого хотелось. Он установил также, что наличие такого позорящего обстоятельства, как судимость, может возыметь обратное действие (Shover, 1985).

Неотъемлемой частью любой модели восстановительной программы должен стать поиск возможных способов вызвать у правонарушителя угрызения совести. Недостаточно просто заявить человеку, что совершенное им дурно. Человек сам должен понять, что это действительно плохо. Преступление должно нарушать (оскорблять) его собственные моральные принципы. Похоже, именно осознание того, что, совершив правонарушение, человек “оскорбляет” самого себя, и способствует появлению угрызений совести. А именно угрызения совести, в свою очередь, удерживают человека от совершения правонарушений против других. Таким образом, восстановительные программы должны работать с нравственными установками каждого отдельного правонарушителя. Учитывая нравственные мотивации некоторых респондентов данного исследования, нужно удостовериться в том, что жертва не останется безликим персонажем. Необходимо доказать правонарушителю несостоятельность его представлений о том, что на самом деле совершенное преступление никакого вреда

жертве не причиняет.

Тот факт, что правонарушители оценивают “выгодность” совершения правонарушений, может являться практической основой для работы восстановительной модели правосудия. Общая стратегия должна заключаться в том, чтобы увеличить для преступника одновременно и негативные последствия совершения преступлений, и преимущества законопослушного образа жизни. Также, соответственно, необходимо понизить “выгодность” правонарушений и “издержки”, связанные с исправлением. Эту стратегию можно представить в виде довольно простой таблицы:

	Совершение правонарушений	Прекращение совершения правонарушений
Издержки	↑Повысить	↓Понизить
Выгода	↓Понизить	↑Повысить

Задача уголовного правосудия состоит в том, чтобы помочь людям перебраться через метафорическую “стену” в этой таблице. Если они продолжают совершать правонарушения, им трудно разглядеть через стену те преимущества, которые они получают, встав на путь исправления. Но когда они однажды перешагнут через эту стену, не первоначальные “издержки” правонарушений должны удерживать их на новом месте, но преимущества, обретенные при исправлении, а также боязнь новых “издержек” (которые могут заключаться, например, в потере этих преимуществ). Именно такое уравнение должно стать ядром восстановительного процесса.

Понижение выгоды, извлекаемой из правонарушения, предполагает необходимость каким-то образом учитывать те потребности, которые преступник удовлетворяет, совершая это правонарушение. Увеличение “издержек” правонарушения должно быть связано с необходимостью вызвать у правонарушителя чувство стыда за свои поступки и уверенности в том, что то наказание, которого он боялся, будет в точности приведено в исполнение. Увеличение преимуществ для вставших на путь исправления потребует предоставить им определенное социальное “вознаграждение”, каким является, например, работа. Снижение “издержек”, связанных с процессом исправления, - наименее значимая часть стратегии, поскольку большинство опрошиваемых, вступив на этот путь, считает «издержки» минимальными. Од-

нако необходимо с особой внимательностью отнестись к увеличению негативных последствий, связанных с продолжением преступной деятельности, потому что именно они могут в свою очередь тормозить увеличение преимуществ исправления. Наиболее ярко это проявляется на примере судимостей. “Пристыжение” правонарушителя, таким образом, должно быть ограничено по времени. Возможно удаление записи о судимости после того, как в течение определенного времени человек не совершал повторных правонарушений. Это увеличило бы преимущества, получаемые при исправлении, поскольку гарантировало бы устранение негативного последствия правонарушения, обладающего наибольшим сроком действия. Исправление является, как правило, процессом постепенным, включающим в себя уменьшение тяжести и сокращение частоты правонарушений. Может потребоваться не одна восстановительная программа, пока правонарушитель внутренне осознает необходимость измениться. Возможно и не удастся заставить человека изменить свои нравственные установки или для самого себя оценить выгоды и негативные последствия совершения преступлений. Но необходимо, по крайней мере, предоставить ему ту информацию, которую он в состоянии будет обдумать. Уголовное правосудие станет развиваться неверным курсом, если будет полагать, что перемены в правонарушителе должны произойти строго и в обязательном порядке.

Исправление - процесс личный, связанный с собственными ценностями каждого правонарушителя, которые не всегда совпадают с общественными установками или законом. Данное исследование показало, что опрошиваемые считают возможным идти по пути исправления и одновременно преступать закон. Их избирательный подход к правонарушениям определяется присущим каждому индивидуальным пониманием добра и зла. Продолжая совершать правонарушения, но при этом, заявляя, что исправляются, участники исследования, как правило, не видели ничего плохого в этих своих правонарушениях. Они не считали их настоящими преступлениями. Более важно то, что они перестали совершать правонарушения, совершать которые, по их мнению, действительно дурно. Едва ли удивляет тот факт, что наши собственные нравственные установки, но не юридические дефиниции, определяют наш взгляд на самих себя. Исследование Эскриджа показало, что 80% новозеландских студентов считают себя законопослушными гражданами, хотя за год до этого 61% заявили, что курили марихуану, 53% - селились за руль в нетрезвом состоянии, а 58% - совершили кражу на сумму, не превышающую 10 долларов. Данные по американским студентам оказались весьма похожими (Eskridge, 1993). Снижение уровня преступности возможно единственно в том обществе, в котором граждане полностью и искренне согласны с юридическим определением правонарушения. Простое соблюдение внешних ритуалов, связанных с попыткой вну-

шить правонарушителю чувство стыда, вряд ли будет действенно, если у людей разные представления о добре и зле и нет чувства принадлежности тому обществу, которое этот стыд пытается внушить. Большинство правонарушителей для того, чтобы исправиться, нуждается в поддержке либо при решении личных проблем, либо при установлении новых социальных связей. Одного лишь их желания исправиться может быть недостаточно, если для этого не созданы необходимые условия и человек не владеет определенными навыками. Если правонарушители внутренне осознают потребность измениться, они остаются тверды в своем намерении и другого пути у них уже нет. Но, когда людей убеждают отказаться от чего-либо, им необходимо восполнить образовавшийся пробел чем-то, что обладает для них не меньшей значимостью. Осознание собственной честности и чувство принадлежности к обществу вполне могут послужить таким восполнением.

Braithwaite, J. (1989). *Crime, Shame and Reintegration*. Cambridge. UK: Cambridge University Press.

--(1993). "Shame and Modernity." *British Journal of Criminology* 33(1):1-18.

Clarke, R.V. and D.B. Cornish (1985). "Modelling Offender's Decision: A Framework for Research and Policy." In: M. Tonry and N. Morris (eds.), *Crime and Justice*, Vol. 6. Chicago, IL: University of Chicago Press.

Cusson, M. and P. Pinsonneault (1986). "The Decision to Give Up Crime." In: D.B. Cornish and R.V. Clarke (eds.) *The Reasoning Criminal: Rational Choice Perspective on Offending*. New York, NY: Springer-Verlag.

Eskridge, C. (1993). "Self Report Deviance Among Students in America and New Zealand: Cross Cultural Comparison." Paper presented at the Annual Meeting of the Western Society of Criminology, Monterey, CA, February

Grasmick, H.G. and R.J. Bursik (1989). Conscience, Significant Others, and Rational Choice: Extending the Deterrence Model." *Law & Society Review* 24(3):835-861.

--B.S. Blackwell, R.J. Bursik Jr. And S. Mitchell (1993). Changes in Perceived Threats of Shame, Embarrassment and Legal Sanctions for Interpersonal Violence, 1982-1992." *Violence and Victims* 8(4):313-325.

Laub, J.H. and J.R. Sampson (1993). "Turning Points in the Life Course: Why Change Matters to the Study of Crime." *Criminology* 31(3):301-325.

- Leibrich, J. (1993). *Straight to the Point: Angles of Giving Up Crime*. Dunedin, NZ: Otago University Press.
- (1994). "Improving the Success Rate in Follow-Up Studies with Former Offenders." *Evaluation Review* 18(5):613-625.
- Meisenhelder, T. (1977). "An Exploratory Study of Exiting from Criminal Careers." *Criminology* 15(3):319-334.
- (1982). "Becoming Normal: Certification as a Stage in Exiting from Crime." *Deviant Behaviour: An Interdisciplinary Journal* 3:137-153.
- Pinsonneault, P. (1985). "L'Abandon de la Carriere Criminelle: Quelques Temoignages (Abandonment of the criminal career: some evidence)." *Criminologie Montreal* 18(2):85-116.
- Shover, N. (1985). *Aging Criminals*. Beverly Hills, CA: Sage.
- Spier, P., F. Luketina and S. Kettles (1991). *Changes in the Seriousness of Offending and in the Pattern of Sentencing: 1979-1988*. Wellington, NZ: Department of Justice.